

СИЛА
МЫСЛИ

КАРДИНАЛ

РИШЕЛЬЕ

ВЛАСТЬ И ВОЙНА

ПРИНЦИПЫ УПРАВЛЕНИЯ
ГОСУДАРСТВОМ

Сила мысли

Арман Жан дю Плесси Ришелье

**Власть и война. Принципы
управления государством**

«Алисторус»

УДК 94(3)
ББК 63.3(3)

Ришелье А.

Власть и война. Принципы управления государством /
А. Ришелье — «Алисторус», — (Сила мысли)

ISBN 978-5-00222-012-0

Кардинал де Ришелье широко известен благодаря «Трем мушкетерам» Александра Дюма. В этом романе он представлен как коварный и беспринципный политик, думающий прежде всего о личной выгоде. На самом деле Ришелье был выдающимся государственным деятелем, при котором Франция стала ведущей державой Европы. Занимая пост главного министра, Ришелье вникал во все вопросы власти и обобщил свой огромный опыт в «Принципах управления государством». Его записки писались во время гражданской войны во Франции, когда проблема сохранения государственной власти была особенно острой. Ришелье пишет об обороне и безопасности, укреплении границ, борьбе с бедностью, искоренении коррупции и воровства, поиске национальной идеологии. Эти записки не потеряли актуальности и в наши дни. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 94(3)
ББК 63.3(3)

ISBN 978-5-00222-012-0

© Ришелье А.
© Алисторус

Содержание

Вступление	6
Раздел I	7
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Кардинал Ришелье
Политическое завещание.
Принципы управления государством

© Перевод с французского

© ООО «Издательство Родина», 2023

* * *

Вступление

Письмо от кардинала герцога де Ришелье королю Людовику XIII

Всемиловейший Государь!

Когда Вы вознамерились дать мне вдруг доступ в советы Ваши и великое участие в ведении Ваших дел, то я могу сказать по истине, что вельможи вели себя, как если бы они не были Вашими подданными, а наиболее могущественные губернаторы провинций вели себя так, как будто они были государями в чинах своих.

Я могу сказать, что худой пример тех и других так был предосудителен королевству, что самые порядочные люди их невоздержанием соблазнились. Могут сказать, что всяк достоинство свое измерял своею наглостью. Я могу еще сказать, что иностранные союзы находились в пренебрежении: интересы частные предпочитались государственным; одним словом, достоинство Вашего Величества было столь унижено и столь отличалось от того, каким бы оно должно было быть, по вине тех, кто имел тогда главное управление Вашими делами, что почти невозможно было признать его.

Уже нельзя было сносить более поступки тех, коим Ваше Величество правление своего государства верили, не потеряв всего; с другой же стороны невозможно переменить всего вдруг, не нарушая законов мудрости, которые не позволяют переходить от одного до другого края, миновав середину.

Лучшие умы не думали, что можно без крушения обойти все подводные камни, которые появились в столь мало надежное время; двор был полон людей, которые уже порицали безрассудство тех, кто желал взяться за это; и так как все знали, что государи легко приписывают тем, кто находится при них, плохие успехи дел, относительно которых они получили хорошие советы, то столь немного людей надеялось на хороший исход перемены, которую, как объявили, я хотел произвести, что многие считали мое падение обеспеченным ранее, чем Ваше Величество возвысили меня.

Я Вам обещал употребить все свое искусство и всю власть, которую мне дать изволили на сражение гордости знатных вельмож, на приведение в должность всех Ваших подданных и на возвышение Вашего имени в чужих народах на такую степень, на какой ему быть надлежит.

И такие успехи, кои следовали за добрыми намерениями, которые Бог дать мне изволил для приведения в порядок сего государства, оправдают в будущие времена твердость мою, с которою я постоянно производил мое предприятие.

Ежели тень моя, которая в сих записках явится, возможет по смерти моей несколько способствовать в учреждение сего великого государства, в правлении которого изволили Вы меня учинить участником свыше моего достоинства, то я почту себя счастливым.

Сие писание учинено будет по рассуждению верных свидетелей истории Вашего времени, с такой искренностью, что всему свету подаст причину верить, что данные от меня советы Вашему Величеству не имеют другого основания, кроме пользы государства и преимущества особы Вашей, которой вечно пребуду.

Моей первой целью было величие короля, моей второй целью было могущество королевства.

*Нижайший, вернейший, покорнейший, усерднейший подданный и слуга
Арман дю Плесси.*

Раздел I О государстве

О следовании велениям разума в управлении государствами

Природная просвещенность учит каждого, что человек, будучи сотворен разумным, должен всегда поступать лишь согласно велениям разума, иначе он пойдет наперекор своей природе и, следовательно, наперекор тому, кто ее создал.

Еще она учит, что, чем знатнее человек и чем выше он стоит, тем больше внимания он должен обращать на этот принцип и тем реже превратно употреблять свой рассудок, который составляет его суть, потому что превосходство над другими людьми принуждает его сохранять данное ему от природы сообразно замыслу, который имел в виду тот, кто его возвысил.

Из этих двух принципов явственно вытекает, что человек должен давать разуму властвовать безраздельно, а сие требует не только ничего не предпринимать без его совета, но и, более того, обязывает человека сделать так, чтобы все находящиеся под его властью чтили разум и неукоснительно ему следовали.

Этот вывод является посылкой для другого, который учит нас, что как не следует желать ничего неразумного и несправедливого, так не следует желать и ничего такого, чего нельзя будет добиться и при осуществлении чего повеления не сопровождаются повиновением; в противном случае разум не будет царствовать безраздельно.

Применить этот принцип на практике тем легче, если учесть, что любовь – сильнейшая побудительная причина, заставляющая покоряться, а подданные не могут не любить государя, ежели знают, что всеми его действиями руководит разум.

Власть принуждает к повиновению силой, разум же склоняет к нему убеждением, и гораздо целесообразнее руководить людьми при помощи способов, позволяющих незаметно подчинить себе их волю, нежели таких, которые чаще всего заставляют их действовать лишь покуда их к этому вынуждают.

Если правда, что разум должен быть факелом, освещающим путь государям в их собственном поведении и управлении государствами, то также истинно и то, что нет на свете ничего менее совместимого с разумом, чем страсть, которая так ослепляет, что иногда заставляет принимать тень за отбрасывающий ее предмет, а посему государь должен всячески избегать следования подобной напасти, из-за которой он может вызвать к себе ненависть, – ибо это прямо противоречит тому, как надо вести себя человеку, чтобы отличаться от скотов.

На досуге к людям нередко приходит сожаление по поводу поступков, совершенных второпях под воздействием страсти, но у них никогда не возникает желания каяться в том, что было продиктовано соображениями разума.

По указанным причинам надобно сильно хотеть исполнения того, что было решено, поскольку это единственный способ добиться повиновения; и как смирение есть первооснова для совершенствования христианина, так и повиновение есть наиболее крепкое основание совершенного подчинения, столь необходимого для существования государств, что ежели оно недостаточно, то они не могут процветать.

Есть множество дел такого рода, в отношении которых между желанием и его воплощением не существует никакой разницы в силу той легкости, с какой их можно исполнить, однако желание должно быть действенным, то есть настолько неколебимым, чтобы оно оставалось неизменным и чтобы после отдачи распоряжения о его выполнении те, кто не повиновался, подлежали суровому наказанию.

Дела, которые кажутся наитруднейшими, видятся такими лишь из-за безразличия, с коим, судя по всему, их желают и повелевают осуществлять; бесспорно, подданные станут всегда неукоснительно повиноваться, когда государи тверды и настойчивы в своих указаниях, из чего вытекает неопровержимая истина: если в государствах отсутствует порядок, то правители сами в том виноваты, ибо, без сомнения, причиной тому является их собственное безразличие и слабование.

Одним словом, если сильно желать и добиваться желаемого – это одно и то же для правителя, самовластно распоряжающегося в своем государстве, то слабое желание и отсутствие желания от этого столь сильно отличаются, что приводят к одному исходу.

Управление государством требует мужественности и непоколебимой твердости, которая противоположна мягкотелости, подставляющей тех, в ком она проявляется, под удары врагов.

Во всех делах надлежит действовать решительно, в особенности учитывая тот факт, что даже если успеха в предпринятом деле добиться и не удастся, то по меньшей мере можно будет получить возможность, не упустив ничего для достижения цели, избежать позора, пусть даже не избежав неблагоприятного развития событий.

И пусть человек упадет от изнеможения при исполнении своего долга, невзгоды принесут ему счастье, тогда как, напротив, любой успех, который он может снискать, отступив от того, что обязан сделать по чести и совести, должен считаться провалом, ибо никакая выгода не сможет сравниться с потерями, случающимися из-за выбора средства, с помощью которых эта выгода получена.

В прошлом большинство великих замыслов во Франции рассыпались во прах, так как первое же затруднение, возникавшее при их осуществлении, сразу останавливало тех, кто по велению разума должен был бы, наоборот, двигаться дальше; и если в царствование Вашего Величества было иначе, то причиной тому лишь настойчивость, с которой неизменно действовали.

Если один раз не удастся исполнить благого намерения, то следует подождать другого раза, а когда принимаются за дело и сталкиваются с трудностями, принуждающими к некоторой отсрочке, то разум требует вернуться на прежний путь, как только время и случай окажутся подходящими.

Одним словом, ничто не должно отвращать от хорошего замысла, разве что какая-нибудь неожиданность сделает его совершенно неосуществимым; и не следует упускать из виду ничего из того, что может ускорить выполнение разумно принятых решений.

О том, что государственные интересы должны быть единственной целью для правителей государств, или, по крайней мере, этим интересам должно отдаваться предпочтение перед интересами частными

Государственные интересы должны быть единственной целью государей и их советников или, по меньшей мере, те и другие обязаны уделять им такое пристальное внимание, чтобы ставить их выше всех частных интересов.

Невозможно представить то благо, какое государь и те, чьими услугами он пользуется в своих делах, могут сотворить, ежели станут неуклонно соблюдать этот принцип, и невозможно вообразить то зло, которое терпит государство, где государственные интересы стоят ниже частных и находятся в зависимости от них.

Истинная философия, христианский закон и политика столь ясно учат этой правде, что советники любого государя должны неустанно обращать его внимание на сей необходимый принцип, а государь – достаточно строго наказывать тех из них, кто окажется настолько презрен, что не будет ему следовать.

Не могу не сказать в связи с этим, что благополучие, неизменно сопровождавшее Испанию на протяжении нескольких столетий, объясняется лишь одной причиной: тамошний Совет тщательно следит за тем, чтобы интересам государства оказывалось предпочтение перед всеми прочими, а большая часть бед, случившихся с Францией, была вызвана слишком тесной приверженностью многих занятых управлением собственным интересам в ущерб интересам государственным.

Одни всегда следовали интересам общества, которые самим своим характером обращали их взор к тому, что оказывалось выгоднее всего для государства.

Другие же подчиняли все своей корысти или прихоти, при этом зачастую теряя из виду истинную цель, но устремляясь к тем, которые представлялись более приятными или сулящими большую прибыль.

Смерть или замещение министров никогда не вызвали существенных перемен в испанском Совете. Не так обстоят дела во французском королевстве, где государственная политика не только менялась со сменой советников, но и приобретала столь различные формы при одних и тех же под влиянием различия в их советах, что такое положение вещей наверняка довело бы государство до гибели, если бы Господь по своей милости не извлек из несовершенств нашей нации средство от бед, причиной которых они были.

Хотя разнообразие наших интересов и наше природное непостоянство часто ввергают нас в ужасные пропасти, однако само легкомыслие наше не позволяет нам оставаться твердыми и непоколебимыми в том, что служит нашей же пользе, и так внезапно нас от оного отвлекает, что при столь частых переменах наши враги не успевают принять должные меры и поэтому не получают возможности воспользоваться нашими ошибками.

Когда Ваш Совет изменил образ действий некоторое время назад, то и политика Ваша также изменилась – к большому благу для государства. И ежели впредь царствование Вашего Величества будет взято за образец для подражания, то наши соседи утратят преимущества, коими располагали в прошлом. Вкусив с ними вместе от мудрости, французское королевство наверняка познает и удачу, ибо, хотя быть мудрым и удачливым – это не всегда одно и то же, все же лучший способ избежать несчастий – выбрать путь, который подсказывают осторожность и разум, а не безалаберность, весьма свойственная людям, а в особенности французам.

Если те, кому Ваше Величество доверит попечение о Ваших делах, обладают способностями и порядочностью, о которых говорилось выше, то Вам более не надо будет остерегаться чего-либо при следовании данному принципу, да и само по себе это не будет Вам затруднительно, ибо заинтересованность в сохранении доброго имени государя и интересы общества преследуют одну и ту же цель.

Обычно правители весьма легко одобряют общие правила, устанавливающие распорядок в их государствах, поскольку, создавая их, они руководствуются только разумом и справедливостью, которые люди охотно приемлют, когда не находится препятствий, сбивающих с пути истинного. Но когда представляется случай воплотить в жизнь изложенные самими государями прекрасные установления, то они не всегда выказывают ту же твердость, потому что интересы то того, то другого, жалость, сострадание, расположенность к кому-либо или настоятельные просьбы одолевают их и препятствуют благим намерениям, а нередко у них не хватает сил побороть самих себя и отбросить приватные соображения, которые не должны иметь никакого веса по сравнению с государственными.

Именно в таких ситуациях правителям надлежит собрать все силы, чтобы превозмочь свою слабость, имея в виду, что те, кому Господь предназначал беречь других, должны обращать внимание только на то, что служит как обществу, так и спасению их самих.

О том, насколько в управлении государством необходима прозорливость

Ничто так необходимо для управления государством, как прозорливость, ибо с ее помощью можно легко предотвратить многие бедствия, избавиться от которых, когда они происходят, удастся лишь с немалым трудом.

Врач, умеющий предупреждать болезни, вызывает больше уважения, чем тот, который лечит уже существующие. Так и государственные министры должны часто вспоминать сами и напоминать своим государям, что важнее предвидеть будущее, нежели учитывать настоящее, и с неприятностями надобно поступать, как с врагами государства: лучше выступить им навстречу, нежели изгонять, дождавшись их нашествия.

Тех, кто станет поступать по-другому, ожидает великий хаос, избавиться от коего будет потом весьма затруднительно.

Люди заурядные, впрочем, имеют обыкновение довольствоваться настоящим и предпочитают сохранять покой в течение целого месяца, чем отказаться от него на этот короткий срок, дабы на долгие годы обезопасить себя от беспокойства, о коем они не задумываются, так как видят лишь настоящее и не предвосхищают будущего с помощью мудрой прозорливости.

Живущие сегодняшним днем живут счастливо сами по себе, но жить под их руководством – это несчастье.

Кто смотрит далеко вперед, ничего не делает с поспешностью, ибо старается заблаговременно все предусмотреть, да и трудно совершить ошибку, если обдумать все заранее.

Бывают некоторые случаи, когда нет возможности долго размышлять, потому что этого не позволяет характер самих дел. Однако в ситуациях другого рода самое лучшее – отложить дела в сторонку и мудростью, проявленной при их осуществлении, восполнить паузу, взятую для того, чтобы обдумать, как лучше с ними справиться.

Было время, когда по соображениям осторожности в королевстве вообще не издавали указов. Когда же приходили неприятности, то с ними боролись полумерами, потому что было невозможно по-настоящему ими заняться, не нанеся урона чьим-либо частным интересам, которым тогда отдавался приоритет перед интересами государственными. Это приводило к тому, что довольствовались облегчением боли от ран, а не их исцелением, и сие принесло немалые беды королевству.

Вот уже несколько лет, как, благодарение Богу, стали придерживаться другого образа действий, и с таким поразительным успехом, что не только разум призывает нас и дальше следовать этой практике, но и великие успехи, достигнутые благодаря ей, к этому просто настойчиво вынуждают.

Отложив дела, спать нужно как спят львы, то есть не закрывая глаз; они всегда должны быть открыты, чтобы предвидеть малейшую неприятность, которая может произойти, – памятуя о том, что чахотка хоть и смертельная болезнь, но даже учащения пульса не вызывает; так и в государствах часто случается, что неприятности, незаметные при своем зарождении и менее всего ощутимые, оказываются наиболее опасными и приводят в конце концов к самым серьезным последствиям. Следует проявлять чрезвычайное старание, дабы не оказаться в таких случаях застигнутым врасплох.

И если государства, управляемые мудрецами, всегда считались вполне благополучными, то среди правителей самыми счастливыми называли как раз наименее мудрых.

Чем талантливее человек, тем больше он ощущает возложенное на него бремя государственного управления.

Руководство государством так занимает лучшие умы, что постоянные размышления, которым они вынуждены предаваться, чтобы предвидеть и предупреждать возможные неприятности, лишают их покоя и удовлетворенности, – на их долю остается лишь удовольствие

видеть, как множество людей безмятежно почивают под сенью их забот и счастливо живут благодаря их терзаниям.

Поскольку необходимо заранее предугадать, елико возможно, насколько успешными могут быть предпринимаемые действия, дабы не ошибиться на этот счет, а мудрость и прозорливость человеческая всегда имеют свои пределы, за которыми ничего усмотреть не могут, ибо лишь Богу дано видеть конечную цель вещей, то часто достаточно знать, что задуманные планы справедливы и осуществимы, чтобы взяться за них с полным основанием.

О том, что наказание и вознаграждение – суть две вещи, совершенно необходимые для руководства государством

Существует банальное утверждение, – истинность коего подкрепляется тем фактом, что во все времена оно было на устах и в мыслях всех людей, – что наказание и награда – суть две самые важные вещи для руководства государством.

Бесспорно, что даже если бы при управлении государствами не придерживались никакого принципа, кроме того, чтобы быть непреклонным в наказании навредивших им и добросовестным в награждении принесших им сколько-нибудь значительную пользу, то государства управлялись бы надлежащим образом и в них не осталось бы человека, который не исполнял бы свой долг из страха или надежды.

Я отдаю приоритет наказанию перед наградой, ибо если бы пришлось отказаться от одного или другого, то лучше было бы обойтись без награды, чем без наказания.

Поскольку к добру надлежит стремиться из любви к самому себе, то, рассуждая со всей строгостью, не следует награждать того, кто к нему склоняется. Но поскольку нет такого преступления, которое бы не нарушало того, чему мы обязаны следовать, то нет и такого, которое бы не принуждало к достойному наказанию за неповиновение, и обязанность сия настолько непреложна, что во многих случаях нельзя оставить безнаказанным один проступок, не совершив тем самым нового.

Говорю о проступках, умышленно наносящих вред государству, а не о многих других, совершенных случайно или в результате неудачного стечения обстоятельств, и к поступкам второго рода государи могут и часто должны проявлять снисхождение.

Прощать в подобных случаях – дело похвальное, тогда как не наказывать за серьезные проступки, в каковом случае безнаказанность даст волю разнузданности, означает допускать преступное бездействие.

С этим согласны как богословы, так и политические философы, и все они придерживаются мнения, что в некоторых ситуациях, когда обычный человек поступил бы дурно, не даровав прощения, те, кому поручено осуществлять государственное управление, также совершили бы непростительную ошибку, если бы вместо сурового наказания выказали снисхождение.

Опыт учит тех, кто долго вращался в свете, что люди легко утрачивают память о благодеяниях, а когда они ими осыпаны, то желание иметь еще больше часто делает их и честолюбивыми, и неблагодарными; а еще он учит, что наказания – вернейшее средство удержать каждого в рамках своего долга: о них не забывают, поскольку они воздействуют на наши чувства, а оные у большинства людей сильнее, чем разум, который над многими совсем не властен.

Проявлять суровость к людям, выставляющим напоказ свое презрение к государственным законам и установлениям, означает действовать на благо общества, и нет худшего преступления против общественных интересов, чем проявление поборки к тем, кто оные нарушает.

Наблюдая многочисленные заговоры, мятежи и бунты, происходившие в королевстве в мое время, я ни разу не видел, чтобы безнаказанность когда-либо побудила хоть кого-нибудь исправиться естественным путем, освободившись от дурных наклонностей. Напротив, все они

принимались за старое и зачастую во второй раз с более ощутимыми последствиями, чем в первый, ибо набирались опыта.

Из-за снисходительности, которую до настоящего времени проявляли в королевстве, оно оказывалось подчас в весьма тяжелом и прискорбном положении.

Поскольку проступки не подвергались наказанию, каждый превратил свою должность в ремесло и, не заботясь о том, что был обязан делать, дабы надлежащим образом ее исполнять, прикидывал лишь, как бы извлечь из нее побольше выгоды.

Древние полагали, что опасно жить при государе, который всегда неумолимо применяет закон со всей строгостью, но они же замечали, что еще опаснее жить в государстве, где безнаказанность открывает дорогу всякого рода своевольствам.

Правитель или чиновник, который боится согрешить, выказав чрезмерную суровость, должен держать отчет перед Богом, да и от мудрых людей заслужит лишь порицание, ежели не проявит строгости, предписанной законами.

Мне не раз приходилось говорить об этом Вашему Величеству, и я снова покорнейше прошу Вас тщательно об этом поразмыслить, ибо ежели многих правителей надобно отвратить от суровости, дабы избежать проявлений жестокости, к коей они склонны по своему характеру, то Вашему Величеству надобно отучиться от ложного милосердия, еще более опасного, чем сама жестокость, так как безнаказанность дает повод к проявлению еще большей жестокости, чего нельзя избежать ничем, кроме наказания.

Розга, являющаяся символом правосудия, никогда не должна оставаться в праздности. Я прекрасно понимаю и то, что ее применение не нужно сопровождать такой суровостью, чтобы быть вовсе лишенным милости, однако сие последнее качество не заключается в снисходительности, поощряющей беспорядок, который, каким бы незначительным ни был, часто причиняет государству такой вред, что может привести к его гибели.

Если найдется кто-нибудь настолько неразумный, что станет осуждать применение в королевстве строгих мер, необходимых каждому государству, по той причине, что до сих пор они не были в употреблении, то нужно будет всего-навсего открыть ему глаза, дабы он осознал, что существовавшая донныне безнаказанность, ставшая у нас чересчур обычным явлением, и есть единственная причина того, что порядок и закон здесь так и не закрепились, а потому для пресечения продолжающегося хаоса возникает настоятельная необходимость в крайних мерах.

В том, что касается государственных преступлений, следует затворить дверь перед жалостью и не обращать внимания на сетования заинтересованных сторон и пересуды невежественной толпы, которая порой осуждает самые полезные для нее, а зачастую и совершенно необходимые меры.

Христиане должны забывать о причиненных им лично обидах, но государственные чиновники обязаны помнить о преступлениях в отношении общества; и действительно, оставить оные безнаказанными скорее означает вновь совершить их, нежели извинить и простить.

Невежество многих людей доходит до таких крайних пределов, что они полагают, будто для исправления зла достаточно повторно его запретить, но на деле это отнюдь не так, и могу доподлинно заявить, что новые законы являются не столько средством наведения порядка в государстве, сколько свидетельством его недугов и достоверным доказательством слабости правительства, ибо если бы прежние законы исполнялись надлежащим образом, то не было бы нужды ни возобновлять их, ни составлять другие, дабы положить конец новому хаосу, поскольку едва бы он случился, как виновные тут же были бы наказаны по всей строгости.

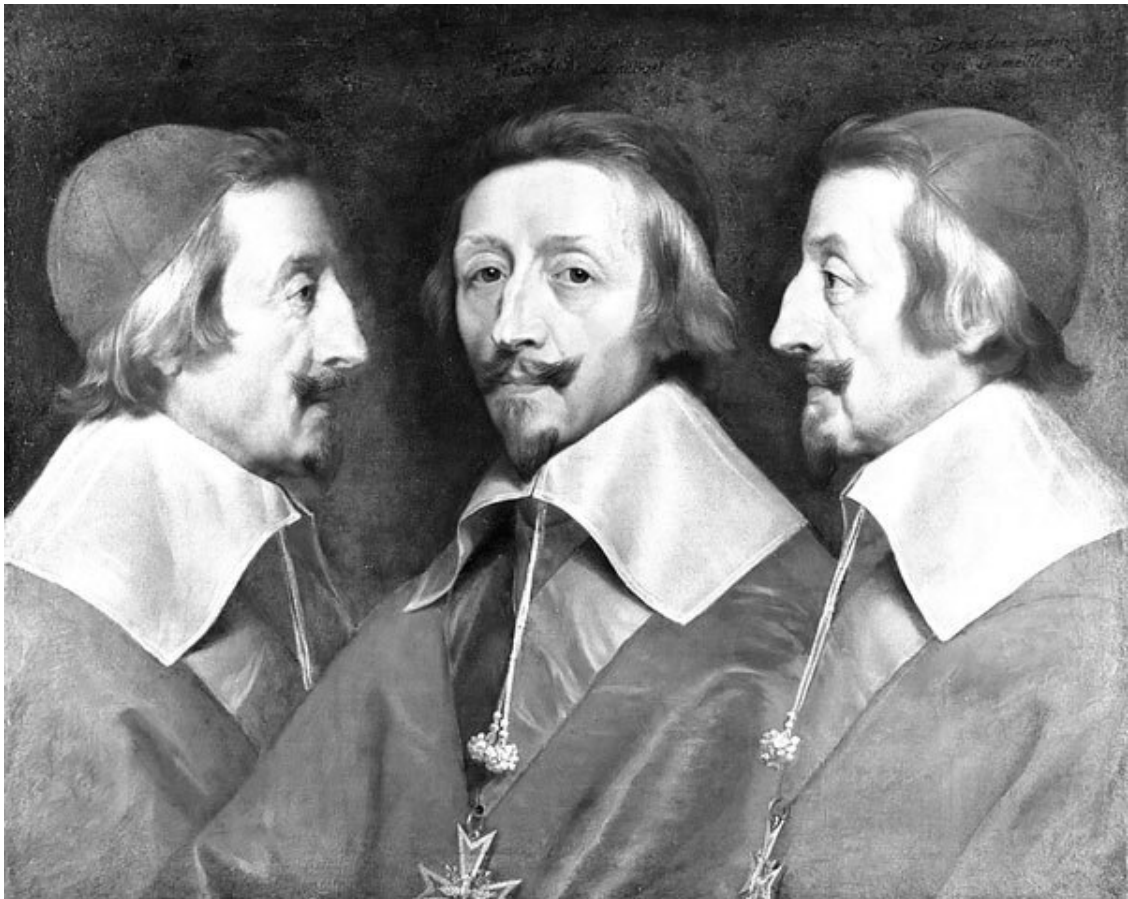
Указы и законы оказываются совершенно бесполезны, ежели не исполняются; сие настолько необходимо, что хотя в делах обыкновенных правосудие требует достоверных доказательств, но с делами, касающимися государства, все обстоит по-другому, потому что в таком случае то, насчет чего существуют веские предположения, должно иной раз считаться достаточно ясным, ибо интриганы и заговорщики, затевающие покушение на общественное благо,

обыкновенно действуют так хитро и скрытно, что получить очевидные доказательства их вины никогда не удастся раньше, чем они приступают к исполнению задуманного, а тогда уже ничего поправить нельзя.

В подобных обстоятельствах следует начинать дело с исполнения, тогда как во всех других предварительно должно проводиться расследование с допросом свидетелей или с помощью неоспоримых улик.

Эти принципы кажутся опасными, да и на самом деле они в какой-то степени чреваты риском, однако наверняка сделаются безопасными, если, не применяя последних и крайних средств против дурных поступков, подтверждаемых одними подозрениями, лишь останавливать их совершение невинными мерами вроде изгнания подозреваемых или заключения их под стражу.

Чистая совесть и пронизательность здравомыслящего ума, который, будучи осведомлен о течении дел, знает будущее почти так же определенно, как настоящее, да и посредственный рассудок – по внешнему виду самих вещей – не допустят превратного применения этих принципов. И даже в худшем случае возможные злоупотребления ими представляют опасность только для частных лиц, жизни которых, впрочем, ничто при этом не угрожает; поэтому данные принципы не перестают быть приемлемыми, ибо частные интересы не идут ни в какое сравнение с государственными.

Тройной портрет кардинала Ришелье.

Художник Филипп де Шампань. Арман Жан дю Плесси, герцог де Ришелье, происходил из старинного французского рода, известного с XIII века. Имя Ришелье они стали носить, когда получили поместье с этим названием по одному из брачных договоров. Арман был четвертым из пяти детей в своей семье. Его продвижение по карьерной лестнице началось, когда он получил сан епископа при короле Генрихе IV, а при Людовике XIII он стал кардиналом Франции.

Кардинал Ришелье занимал посты государственных секретарей по военным и иностранным делам с 1616 по 1617 год и был главой правительства (главным министром короля) с 1624 года до своей смерти.

Однако необходимо в таких случаях проявлять чрезвычайную сдержанность, дабы тем самым не открыть дорогу тирании, от которой можно обезопасить себя наверняка, ежели, как я упомянул выше, в сомнительных случаях прибегать лишь к безобидным средствам.

Наказания настолько необходимы, когда речь идет о государственных интересах, что просто нельзя проявлять попустительство к проступкам такого рода, возмещая зло нынешнее прошлым добром, то есть оставляя преступление без наказания за то, что совершивший его хорошо служил в каких-то иных обстоятельствах.

Тем не менее именно это до сих пор имело место во французском королевстве, где не только мелкие проступки предавались забвению ввиду важности заслуг, но и самые тяжкие преступления прощались за заслуги ничтожного свойства, что совершенно недопустимо.

Добро и зло настолько отличаются друг от друга и имеют настолько противоположный характер, что их не следует даже сопоставлять. Это два непримиримых противника, между которыми не должно быть ни пощады, ни обмена, и если добро достойно вознаграждения, то зло – наказания, и с каждым из них надлежит поступать по заслугам.

И хотя совесть вполне может стерпеть, когда какое-либо выдающееся деяние остается без награды, а вопиющее преступление – без наказания, однако высшие государственные интересы этого не допускают.

Взыскание и благодеяние касаются скорее будущего, чем прошлого: в силу необходимости государю следует быть строгим, дабы отвести происки, на которые могут пойти из-за упования на прощение, ежели знают его как человека слишком снисходительного, и надлежит делать добро тем, кто более всех полезен обществу, с тем чтобы поощрить их к продолжению добрых дел, а всех остальных – к подражанию им и следованию их примеру.

Можно было бы получать удовлетворение от прощения за преступление, если бы безнаказанность не давала повода опасаться дурных последствий; и государственная необходимость иной раз предоставила бы законное основание не вознаграждать за услуги, если бы, лишая оказавшего их человека mzды, можно было бы не лишать себя наряду с этим и надежды на его службу в будущем.

Благородные души радуются добру в той же степени, в какой страдают от причинения зла. Я оставляю разговор о наказаниях и казнях, дабы закончить эту главу приятными рассуждениями о благодеяниях и наградах, по поводу каковых не могу не заметить, что между милостями, коими выражают признательность за службу, и теми, что не имеют никакой другой причины, кроме королевского благоволения, существует разница: если последние должны даваться весьма умеренно, то первым не следует ставить никаких пределов, кроме тех, что соответствуют самим услугам, оказанным обществу.

Благо государств непременно требует, чтобы их правители были людьми щедрыми, и, когда меня иной раз посещала мысль, что существуют люди, которые по своей природной склонности неспособны расточать милости, я всегда полагал, что сей порок, достойный порицания во всех людях, есть опасное несовершенство в монархах, которые, являясь более, чем кто-либо, подобием Создателя, по Своему естеству благотворящего всему миру, не могут не подражать Ему в этом, не неся перед Ним ответственности.

Причина в том, что Он велит государям с удовольствием следовать Его примеру и самим охотно расточать благодеяния. В противном случае, если они станут оказывать милости, не соблюдая этого условия, то уподобятся тем скрягам, которые подают на своих пирах изысканные кушанья, но так плохо приготовленные, что гости едят их безо всякого наслаждения и безо всякой благодарности к тем, кто на них потратился.

О том, что проводимые повсюду непрерывные переговоры немало способствуют успеху в государственных делах

Государства получают столь большие преимущества от непрерывных переговоров – при условии ведения их с осторожностью, – что тому, кто не узнал этого на своем опыте, трудно в сие поверить.

Признаюсь, я осознал эту истину только после того, как в течение пяти или шести лет занимался государственными делами, но сейчас настолько твердо в нее уверовал, что смело могу сказать: непрерывные переговоры, проводимые открыто и тайно повсюду, даже там, где нельзя добиться немедленных успехов, а те, что могут ожидать в будущем, не очевидны, – есть вещь необходимейшая для благополучия государств.

Могу доподлинно свидетельствовать о том, что в свое время я наблюдал коренное изменение состояния дел во Франции и во всем христианском мире, ибо под руководством Короля имел возможность на практике применять этот принцип, который доселе совершенно игнорировали в королевстве.

Из посеянных семян некоторые приносят плоды раньше, другие – позже; одни прорастают и выбрасывают побеги, едва попав в почву, иным же на это требуется гораздо больше времени.

Правитель, постоянно ведущий переговоры, в конце концов находит удобный случай для достижения своих целей; впрочем, даже если такой случай ему и не представится, он на самом деле все равно ничего не теряет, поскольку посредством переговоров получает возможность выяснить, что делается на свете, а сие имеет немаловажное значение для благополучия государства.

Переговоры – это безобидное средство, которое никогда не причиняет вреда; к ним следует прибегать повсюду, по соседству и вдалеке, а в особенности в Риме.

Одним из трех добрых советов, которые Антонио Перес дал покойному королю, он убедил его в необходимости приобрести сильное влияние при папском дворе, и на то были причины: ведь недаром все находящиеся там послы христианских государств полагают, что именно те, кто имеет при папском дворе наибольшее влияние и вес, и в самом деле обладают большим могуществом и более других обласканы фортуной. И надо сказать, это мнение не лишено основания, ибо, хотя никому на свете, несомненно, не следовало бы уделять столько внимания доводам рассудка, как папам, все же нигде в мире могущество не ценится так высоко, как при папском дворе. Это находит совершенно ясное выражение в отношении к послам: уважение к ним то возрастает, то уменьшается, все время меняясь в зависимости от того, хорошо или плохо идут дела у их повелителей, и потому зачастую послы встречают разный прием в течение одного дня, если, к примеру, курьер, прибывший вечером, привозит иные известия, нежели те, что поступили утром.

Государства подобны человеческому организму: хороший цвет лица у человека подсказывает врачу, что внутри у того все в порядке, ибо возникает этот здоровый оттенок благодаря надлежащей работе всех членов и внутренних органов. Точно так же не подлежит сомнению, что лучший способ для любого правителя добиться расположения Рима – как следует наладить дела у себя в государстве и что почти невозможно приобрести хорошую репутацию в этом городе (который долгое время был главным среди городов и до сих пор остается центром мира), не прославившись по всему свету – на пользу государственным интересам.

Природный разум учит всех считаться со своими соседями в силу того, что они, находясь рядом, могут причинить вред, а могут и оказать услугу – подобно тому как наружные укрепления затрудняют подступы к городским стенам.

Люди посредственные ограничивают свои помыслы пределами государства, в котором родились; те же, кому Господь даровал больше ума, не станут пренебрегать ничем для укрепления своих позиций на значительно более удаленном расстоянии, научившись у докторов тому, что при самых сильных недугах наиболее бурные потрясения зарождаются в самых удаленных частях организма.

Итак, необходимо действовать повсюду, сообразуясь с умонастроением тех, с кем приходится договариваться, и применяя подходящие способы ведения переговоров.

Различные нации движутся к своей цели с разной скоростью: одни быстро приходят к тому, чего хотят добиться, другие же идут к этому черепашьям шагом.

Ко второму типу относятся республики; они медлительны, и обычно с первого раза не удается добиться от них желаемого; приходится довольствоваться малым, чтобы впоследствии получить большее.

Поскольку крупным существам передвигаться труднее, чем мелким, государства такого рода, возглавляемые несколькими правителями, гораздо дольше принимают и выполняют свои решения, чем другие.

По этой причине благоразумие обязывает тех, кто ведет с ними переговоры, давать им время на размышление и излишней торопливостью не побуждать их действовать скорее, нежели позволяет их естественное устройство.

Необходимо отметить также, что если сильные и основательные доводы превосходны для убеждения людей с умом обширным и мощным, то для людей посредственных больше подходят резоны слабые, ибо таковые им понятнее.

Каждый составляет представление о делах в соответствии со своими талантами: людям, наделенным выдающимися умственными способностями и большим мужеством, даже самые масштабные свершения не кажутся сложными или великими, тогда как у тех, кто лишен подобных качеств, затруднения обычно вызывает буквально все.

Такие ограниченные люди зачастую не умеют оценить значимость того, что им предлагают; иногда они упускают из виду самое важное, а иногда, напротив, придают чересчур большое значение вещам, не заслуживающим никакого внимания.

Манеру обращения с каждым человеком следует выбирать, исходя из уровня его умственных способностей. В некоторых случаях, если смело говорить и действовать, убедившись, что право на Вашей стороне, это отнюдь не ведет дело к разрыву, а, напротив, скорее предупреждает его и подавляет в зародыше.

В иных же ситуациях, вместо того чтобы нехотая обращать внимание на какие-то речи, неосторожно произнесенные теми, с кем ведутся переговоры, благоразумнее ловко пропускать их мимо ушей и воспринимать только то, что способствует достижению намеченной цели.

Есть люди настолько самонадеянные, что считают за должное во всех случаях прибегать к дерзостям, полагая их наилучшим средством для получения того, чего не могут требовать по праву и к чему не могут принудить силой.

Они полагают, что своей угрозой причинить зло и в самом деле его сотворили; такая манера поведения, однако, противна разуму и, более того, никогда не приводит к успеху в общении с людьми порядочными.

Глупцы не годятся для ведения переговоров, но и чересчур тонкие и деликатные люди подходят для этого не многим больше, так как, предаваясь излишним мудрствованиям, уподобляются тем, кто ломает концы иглодок, пытаясь наточить их еще острее.

Для того чтобы дела шли как следует, необходимы люди, придерживающиеся середины между двумя этими крайностями; самые проникательные, пользуясь силой своего ума, дабы не оказаться обманутыми, должны весьма остерегаться применять ее для обмана тех, с кем договариваются.

Люди никогда не доверяют тому, кто действует хитростью и изображает показную искренность и правдивость, и сие не будет способствовать успеху в его делах.

Одни и те же слова довольно часто имеют двойной смысл: одно понимание диктуется людской честностью и чистосердечием, другое – ловкостью и изощренностью, при помощи коих чрезвычайно легко истолковать истинное значение слова по собственному усмотрению, а потому для ведения переговоров необходимо привлекать таких людей, которые осознают весомость тех или иных слов и хорошо умеют письменно излагать свои мысли.

Важные переговоры не должны прерываться ни на мгновение; нужно неуклонно двигаться к намеченной цели, последовательно претворяя в жизнь свои намерения и останавливаясь только в силу веской причины, а не из-за усталости ума, возникновения безразличия к делам, нерешительности или принятия противоположного решения.

Не следует также отчаиваться при неблагоприятном развитии событий, ибо иной раз случается так, что отменно задуманное дело все же терпит неудачу.

Тому, кто часто идет в бой, трудно всегда оставаться победителем; следует считать знаком высочайшего благословения, когда успех сопутствует человеку в делах великих и отворачивается от него лишь в тех, осуществление коих имеет меньшую важность.

Хорошо еще, что переговоры настолько безобидное дело, что можно извлекать из них громадные преимущества, никогда не получая при этом никакого вреда.

Если кто-то скажет, что переговоры часто имеют отрицательные стороны, то я согласен, чтобы такой человек совершенно пренебрег моим мнением, ежели только не пожелает открыть глаза и признать, что, вместо того чтобы приписывать замеченный им неуспех предложенному мною средству, следовало бы отнести его исключительно на счет тех, кто неумело оное употреблял.

Даже если бы сие средство не приносило иного блага, помимо выигрыша во времени в определенных случаях, как это обычно происходит, то и тогда его применение надлежало бы одобрить как весьма полезное для государств, ибо, для того чтобы избежать бури, порой достаточно одного мгновения.

Хотя союзы, часто образуемые при заключении браков между монархиями, не всегда приносят желаемые плоды, все же не следует забывать о них; к тому же часто они являются одной из важнейших тем для переговоров.

Такие браки имеют одно неизменное преимущество: в течение какого-то времени государства проявляют друг к другу некоторое уважение, а, дабы ценить их, достаточно, чтобы государства хоть иногда извлекали из них пользу.

Для получения хороших плодов надобно делать прививки, беря для них черенки с самых лучших деревьев; государи, предки которых имели равно высокое происхождение, должны с полным основанием занимать более возвышенное положение, и нет сомнений, что их славная кровь лучше сохранится, если станет меньше смешиваться с другой.

Впрочем, родственные союзы служат иногда для разрушения неприятельских объединений и альянсов между государствами, и хоть они и не приводят неизменно к этому благому исходу, то на примере той пользы, которую получает от них Австрийский дом, можно прекрасно видеть, что пренебрегать ими не следует.

В государственных делах из всего следует извлекать выгоду, а ко всему, что может пригодиться, никогда нельзя относиться с презрением.

Альянсы относятся к такого рода явлениям; польза от них часто бывает сомнительна; и однако же не следует ослаблять к ним внимание, хотя я бы и впрямь не посоветовал ни одному великому государю добровольно приступать к осуществлению какого-либо непростого замысла, опираясь на некий союз, ежели он сам не чувствует себя достаточно сильным, чтобы преуспеть даже в случае отсутствия помощи со стороны союзников.

Я выдвигаю этот тезис по двум причинам.

Первая берет свое основание, причем достаточно веское, в слабости и ненадежности союзов между различными государями.

Вторая кроется в следующем: правители малых стран часто с великим тщанием и старанием пытаются вовлечь великих монархов в масштабные предприятия, но затем с такою же великою неохотой оказывают им содействие, несмотря на клятвенные договоренности, и среди них находятся даже такие, которые иногда добиваются превосходства за счет тех, кого втянули в дело почти что против воли.

Хотя выражение «кто силен, тот обычно и прав» стало уже общим местом, тем не менее правда и то, что когда две неравные державы соединены между собой договором, то более великая подвергается большему риску оказаться покинутой, нежели другая. Причина тому очевидна: для великого государя репутация настолько важна, что никакая выгода не могла бы возместить ему ту утрату, которую он потерпел бы, если бы вероломно нарушил взятые на себя обязательства. Того же правителя, могущество коего невелико, хотя верховная власть и неоспорима, можно соблазнить столь заманчивым предложением, что он вполне способен предпочесть выгоду чести и нарушить из-за этого обязательство перед союзником, который, даже предвидя его измену, не сможет решиться его опередить, ибо предательство союзников для него менее значимо, нежели тот вред, который он понес бы, ежели бы сам совершил вероломство.

Монархам следует осторожно подходить к заключению договоров, однако, когда таковые заключены, их надлежит свято выполнять.

Мне прекрасно известно, что многие политики учат прямо противоположному, но, даже не рассматривая здесь доводы против этих постулатов, – доводы, которыми может снабдить нас христианская вера, – я утверждаю, что поскольку утрата чести страшнее, чем потеря жизни, то великий государь должен скорее рискнуть собой и даже интересами своего государства, чем нарушить слово, чего он не может сделать, не лишившись своей репутации, то есть самого весомого достояния властителей.

Важность этого обстоятельства побуждает меня отметить, что при назначении послов и других участников переговоров абсолютно необходима точность выбора и что наказывать преступивших свои полномочия надо со всей строгостью, поскольку подобными проступками они подрывают одновременно и репутацию государей, и благополучие государств.

У некоторых людей легкомыслие или продажность достигают иной раз таких невероятных размеров, а у других, не отличающихся слабостью или злонамеренностью, возникает настолько нестерпимое желание действовать, что ежели тех и других не удерживать в рамках, в которых им надлежит оставаться во избежание собственной гибели, то среди них неизбежно найдутся такие, что предпочтут скорее заключить дурные договоры, нежели вообще не заключать никаких.

Я столько раз на собственном опыте убеждался в истинности этого утверждения, что сие принуждает меня завершить данную главу следующими словами: всякий, кому в подобных ситуациях недостает строгости, оказывается неспособным обеспечить условия, необходимые для выживания государства.

О том, что одно из величайших благ, каких только можно добиться для государства, – это дать каждому ровно такое занятие, к какому он пригоден

Мы знаем, что из-за бездарности лиц, занимающих главные должности и выполняющих наиважнейшие поручения, на государства обрушиваются неисчислимые беды, поэтому государь и те, кто привлечен к делам управления, должны самым тщательным образом следить за тем, чтобы на каждого человека возлагались исключительно такие обязанности, к выполнению коих он пригоден.

Даже самые прозорливые иногда пребывают в совершенном неведении относительно того, что касается их самих, а поскольку мало существует людей, готовых установить для себя границы, сообразуясь с велениями разума, то те, кто пользуется доверием государя, всегда полагают себя достойными чинов любого рода и, исходя из этой ложной посылки, всеми силами стремятся их заполучить.

Однако не подлежит сомнению, что человек, способный сослужить хорошую службу обществу в одном качестве, способен также навредить ему в другом.

Мне приходилось видеть в свое время, как из-за неправильных назначений происходили настолько невообразимые неприятности, что я не могу не высказаться по этому поводу, дабы предотвратить появление оных впредь.

Если учесть, что врачи не допускают проведения испытаний новых лекарств на людях важных, то легко понять, сколь опасно ставить на главные посты в государстве людей неопытных, тем самым давая возможность подмастерьям пробовать свои силы в делах, где требуется вмешательство мастеров и высшее искусство.

Подобная практика ведет к верной гибели государства, ибо является настоящим источником всяческого хаоса.

Человек, ошибочно назначенный послом для заключения важного договора, может по неведению причинить значительный вред.

Полководец, непригодный для своего поста, может подвергнуть ненужному риску судьбу повелителя и благополучие государства.

Комендант важной крепости, лишенный качеств, необходимых для этой должности, может в одночасье настолько близко подвести целое государство к краю гибели, что и столетия потом не хватит для исправления его просчетов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.